

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Г. Ю. Филипповский

<https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в.

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 8–17. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-8-17

Г. Р. Державин со своей одой «На рождение в Севере порфирородного отрока» 1779 г. стал в русской поэзии нового времени пионером темы Детства и детей. Поэт, помимо руссоистской темы Детства как чистых Истоков, новаторски прописал иную концепцию Детства как Школы (просветительскую) в эпизоде даров фей, которые наделяют младенца, будущего царя, и исключительными способностями, и знаниями. Державин новаторски опередил английского поэта У. Блейка, который ту же тему Детства и детей воплотил в поэтических циклах 1789–1794 гг. Статья также обсуждает мотив детства и детей на материале английской (У. Блейк и У. Вордсворт) и русской (Н. А. Некрасов) поэзии XIX века. Циклы У. Блейка («Песни невинности/неведения» (1789) и «Песни опыта/знания» (1794)), а также циклы У. Вордсворта «Прелюды» и его «Ода. Вести о бессмертии, идущие от воспоминаний раннего детства» (1803–1807) представляют образы детей и детства в контексте природы как ведущий принцип романтизма: дитя с его изначальным природным благочестием как подлинный исток человека, – чистый ангел, но уже и мудрец. В русской поэзии XIX в. Н. А. Некрасов, как и У. Блейк и У. Вордсворт в Англии, обращался к образам, мотивам детей и детства на протяжении всей своей творческой биографии («Детство», «На Волге. Детство Валежникова», «Школьник» и т. д.).

Ключевые слова: тема Детства, две концепции Детства, поэзия Державина, поэзия У. Блейка, поэзия У. Вордсворта, поэзия Н. Некрасова, руссоистские и просветительские мотивы, ребёнок-ангел, ребёнок-мудрец.

LITERARY CRITICISM

G. U. Philippovsky

Two conceptions of childhood in european and russian poetry of XVIII–XIX c.

G. R. Derzhavin with his famous Ode on the birth of a future Emperor 1779 became in the Russian poetry of a new epoch the pioneer of Childhood and children theme. The poet except the russoist topic of Childhood as clear headsprings innovatively revealed a different concept of Childhood as a School (educational) in the episode of fairies gifts who give a child – a future tsar both exceptional abilities and knowledge. Derzhavin outstripped an English poet W. Blake who also touched upon the topic of Childhood and children in his poetic cycles of 1789–1794. The article also discusses the motif of Childhood and children on the material of English (W. Blake and W. Wordsworth) and Russian (N. A. Nekrasov) poetry of the XX c. W. Blake's cycles («The songs of virginity» (1789) and «The songs of experience» (1794) as well as W. Wordsworth's cycles «Preludes» and his «Ode. News on immortality coming from early childhood memories» (1803–1807) give the images of children and childhood in the context of nature as a leading principle of Romanticism: a child with his initial natural piety as a real headspring of a man – a pure angel but a sage already. In the Russian poetry of the XIX c. N. A. Nekrasov as well as W. Blake and W. Wordsworth in England turned to the images and motifs of children and Childhood through his whole literary biography («Childhood», «On the Volga. Valezhnikov's childhood», «A schoolboy» and so on).

Key words: children theme, two concepts of childhood, Derzhavin's poetry, the poetry of W. Blake, the poetry of W. Wordsworth, N. A. Nekrasov's poetry, russoist and educational motifs, a child-angel, a child-sage.

Петровский XVIII век был в России веком обновления — всего, в том числе поэзии и литературы [Гуковский, 1939]. Наряду с именами гигантов Ломоносова, Сумарокова имя Г. Р. Державина [Гуковский, 1939] достойно венчает это замечательное столетие, открывая новый пушкинский XIX век. Корифей отечественной и мировой филологии XX в. академик Сергей Сергеевич Аверинцев [Аверинцев, 1985] сравнивает творчество Державина с мощным явлением природы, — воспетым им водопадом: «Первозданная энергия древнего витийства и новая, свежая свобода в пользовании лексическими и образными контрастами взаимно усиливают друг друга, доводя экспрессию целого до силы поистине стихийной» [Аверинцев, 1985, С.20]. Тредьяковский, Ломоносов, Сумароков создали свои собственные нормативные поэтики в русле европейских традиций классицизма [Гуковский, 1939]. Но Державин этого не сделал, у него нет своей нормативной поэтики, и это не случайно: он выступил разрушителем грандиозного здания русского классицизма (несмотря на то, что его любимым жанром оставалась ода, которую он трансформировал как жанр). Державин был абсолютный новатор, и С. С. Аверинцев, цитируя строки Державина, специально выбирает тему нового: «Изобрази мне мир сей новый В лице младого летня дня: Как рощи, холмы, башни, кровы, От горнего златяся огня, Из мрака восстают, блистают И смотрятся в зеркало вод; Все новы чувства получают, И движется всех смертных род» [Аверинцев, 1985, с. 5].

Наряду с темой нового, новизны, надо полагать, новаторства, в этих строках Державина особо подчёркнута тема «младого летня дня» [Державин, 1985, с. 5]. Действительно слова «новое» и «молодое» — безусловные синонимы. Мотив новых истоков чрезвычайно характерен для ранней поэзии Державина («Ключ», «На рождение в Севере порфирородного отрока» 1779 г.) [Державин, 1985]. Оба эти произведения как бы оды, но оды романтические, то есть уже жанрово преображённые. Ключ представлен как источник и жизни, и творческого вдохновения. Тема истоков здесь одновременно и природная, естественная, органическая, но и поэтическая, творческая, литературная. Не случайно поэт пишет: «Сгорая стихотворства страстью, К тебе я прихожу, ручей, ... Напой меня, напой тобою, Да воспою подобно я, И с Чистой твоей струёю Сравнится в песнях мысль моя...» [Державин, 1985, с. 33]. Не случайно здесь и чувства (страсть), и мысли, — и всё это вопреки одно-

значности классицизма. Державин явно идёт дальше, почти к предромантизму.

Ещё интереснее и характернее поэтическое новаторство Державина проявилось в его оде «На рождение в Севере порфирородного отрока» [Державин, 1985]. Казалось бы, высокая торжественная одическая тема полностью соблюдена: речь идёт о рождении нового императора (вспомним посвящённые императорским персонам оды Ломоносова). Действительно, первая половина XVIII века в Европе и в России в плане литературно-культурного развития, казалось бы, — всецело домен классицизма. Его становление как художественного метода эпохи состоялось, правда, в XVII веке и прежде всего во Франции. Тезис Рене Декарта (1596–1650) «*Cogito ergo sum*» («Мыслю, следовательно существую») вполне определял рационалистическую эстетику эпохи классицизма с её упорядоченностью и нормативностью, даже градуированностью для всех жанров и разновидностей поэзии, драматургии. Не только поэтика Никола Буало с опорой на классическую «поэтику» Аристотеля, но канонизация греческих, шире — античных образцов была литературной нормой [Гуковский, 1939]. Но, как уже отмечали выше, в стихах Державина тема мысли и тема чувства не только соотносены, но переплетаются и взаимодействуют.

Уже в недрах этой, казалось бы, незыблемой непререкаемой в своих основах (даже, казалось бы, непротиворечивой) эстетики и всего массива поэтических текстов (например, драматургических текстов по образцу античных в первой половине, а особенно во второй половине XVIII века) появляются произведения принципиально нового характера. И прежде всего в жанре оды, где на смену высокому пафосу приходит совершенно иной. В 1748 году англичанин Томас Грей создаёт «Оду на смерть любимого кота, утонувшего в чаше с золотыми рыбками». Этот же автор через 3 года в 1751 г. публикует свою знаменитую «Элегию, написанную на церковном погосте», которая повлияла на развитие поэзии европейского романтизма (переведена в России В. А. Жуковским в 1802 г. под названием «Сельское кладбище» и стала первым произведением русского романтизма). В 1779 г. Г. Р. Державин создаёт свою знаменитую «Оду на смерть князя Мещерского» и затем оду «На рождение в Севере порфирородного отрока» [Державин, 1985]. Уже у Грея, а затем и у Державина в поэтических текстах не остаётся почти ничего от картезианской эстетики и рационализма. Элегическая или иная эстетика чувствава-

ния создаёт предпосылки сентиментализма, предромантизма, а затем и романтизма в европейской и русской поэзии.

Названная ода Державина на рождение будущего императора Александра I соединяет черты сказки, пейзажной лирики (правда, с использованием античных аллегорий, но оплетённых роскошными описаниями северной русской зимы, природы) в русле концептуально-развёрнутой темы рождения царственного дитяти, концептуально-философской темы Детства, Истоков. Откуда явилась эта новизна, кто в Европе выступил с дерзкой идеей обновления Истоков? Этим человеком стал швейцарец Жан-Жак Руссо [Rousseau, 1973, p. 463–467]. Именно он повлиял на умы европейцев второй половины XVIII века, произвёл своего рода революцию в умах и в литературной моде. Совсем не важно, как всё это повлияло на Державина. Факт остаётся фактом, что повлияло радикально. Тема Истоков, понятая философски и глобально у Т. Грея, и Г. Державина (которые ввели в поэзию тему смерти как всеобщего закона бытия, и заявили о себе как разрушителях классицистического канона) получила новое принципиальное обоснование в текстах Жан-Жака Руссо. Как это произошло? Руссо прочитал (читая газету в дилижансе) в «*Mercur de France*» объявление о конкурсе Дижонской Академии на лучшее эссе об улучшении и очищении общих нравов при помощи наук и искусств, представил в 1750 г. свой текст, который победил на объявленном конкурсе и был опубликован. В этом эссе Руссо открылась провиденциальная идея первоначальной чистоты и неиспорченности Природы Человека и Человечества, которая затем в движении цивилизации подверглась и подвергается порче и дефамации [Rousseau, 1973, p. 463–467]. С этой идеей соседствовала другая — об изначальном равенстве людей от природы, что, соответственно, утверждало высшую ценность собственно феномена Естества Природы. В развитие этих идей Руссо в 1755 г. публикует другое эссе «Рассуждение о происхождении и оснований неравенства в обществе людей», а затем в 1762 г. — «Общественный договор», что легло у истоков современной европейской демократии, а с точки зрения развития литературы и культуры — у истоков европейского движения романтизма (в первом приближении — сентиментализма, то есть апологии чувства и чувствительности как антитезы культа разума и рационализма). Фактически, Руссо выдвинул анти-тезис постулата Рене Декарта «Мысли, следова-

тельно существую» в виде нового постулата «Чувствую, следовательно существую».

В реальности новое, пришедшее на смену классицизму движение романтизма обратилось к другим (для ригоризма и рационализма эстетики классицизма) сторонам феномена литературы: творческого вдохновения и фантазии, неповторимости и уникальности литературного гения, природы и магии художественного слова, как, впрочем, и в целом человеческого естества. Руссо обратился к Началам, Истокам и их переосмыслил, а несколько позже в другом очерке-эссе заявил не менее принципиальную идею: «Я осмелюсь думать, что я сделан иначе, чем кто бы то ни было на свете. Если я и не лучше, но по меньшей мере — я другой» («Исповедь» 1781) [Rousseau, 1973, p. 463–467]. Конечно, идея уникальности человеческого существа бытовала и в античности, но Руссо открыл её заново и всё это открывало невиданные прежде перспективы развития литературы и культуры человечества (как выяснилось, и цивилизации в целом с её гибельными, по-Руссо, «дивидендами»).

Пока же для второй половины XVIII и начала XIX вв. «контрситуация» в сфере литературы и культуры обернулась крахом системы классицизма, зарождением и утверждением культуры и литературы, прежде всего поэзии, европейского Романтизма. Тема детей и Детства также в этот период подверглась полярной диверсификации в сфере литературы, поэзии. Первая, «коренная» ипостась этого феномена в полном соответствии и руссоистскими воззрениями отождествилась с образом ребёнка как ангела чистоты, неиспорченности, искренности, простоты и ясности, что в традициях христианской культуры отобразил архетип агнца (на ранних христианских саркофагах и мозаиках мотивы младенцев и виноградной лозы являются доминантными, как образы-символы нового народившегося христианского человечества). Вторая ипостась того же феномена детей и Детства конца XVIII начала XIX вв. трактует неиспорченную чистоту этого феномена как нерасстраченную, «готовую к употреблению», своего рода «*tabula rasa*». Выяснилось, что просветительские аспекты культуры никуда не ушли, школа осталась школой, что по-прежнему «учение — свет» и по-прежнему «неученье — тьма».

В нарушение канонов классицизма контрасты, антиномии, противоречивые темы буквально переполняют тексты Державина. И не только отмеченные выше антиномии чувства и разума, Истоков природных, органических и ментальных, поэ-

тических. Оду о рождении будущего императора Александра I открывает тема зимы [Державин, 1985, с. 35] Казалось бы естественно, ведь Санкт-Петербург – северный город, новая петровская северная столица России. Казалось бы, олицетворение Севера в образе античного Борея вполне соответствует поэтике классицизма. Однако, Державин развёртывает этот образ создавая поэтическую фантазмагорию сказочной северной природы: «С белыми Борей власами И с седою бородой, Потрясая небесами, облака сжимал рукой; Сыпал иней пушисты И метели воздымал; Налагая цепи льдысты, Быстры воды оковал...» [Державин, 1985, с. 35]. Перед нами поэтический, но и романтический образ северной сказки, уже не Борея, а русского Мороза из народной сказки.

Но контрасты (нормативность классицизма и сказочная фольклорность) на этом не кончаются. Рождается царственное дитя и власть Мороза прекращается, ему на смену приходит Весна, Солнце, тёплый ветер, Зефир. Здесь Державин намного опережает своё время: контраст Зимы и Весны, – это уже та тема (плодотворная и контрастная поэтически, структурно-композиционно), которая впоследствии ляжет в основу контрастной поэтики, сюжетосложения, сюжетной структуры великого творения Пушкина «Евгений Онегин». Пока же у Державина развивается не эта контрастная тема, а, естественно, тема новорождённого царственного младенца. И здесь поэт включает иную сказочную тему: европейский сюжет о дарах фей у колыбели новорождённого младенца – будущего царя. Казалось бы, снова контрастное соединение природной, естественной темы и иной, сказочной, волшебной. Но Державин опять оригинален в своём новаторстве. Дары фей – это не просто подарки, это – уникальные способности, таланты, в будущем – знания, которыми отныне обладает новорождённое дитя. Эти феи – настоящие учительницы, учителя, не просто жизни, но умений, знаний и навыков. А новорождённый младенец здесь уже ни что иное как ученик, уже приобщённый к знанию, уже прошедший школу фей.

Ко всем парностям в руссоистском смысле у Державина прибавляется ещё одна. Чистота, ангельский образ ребёнка, будущего царя наделён здесь также идеальной ментальной характеристикой (он парадоксально уже прошёл здесь школу, наделён знанием, научен мыслить). Оказывается, руссоистская абсолютизация чистых, идеальных Начал, Истоков всё же не отменила картезианский культ разума, просвещения, образования, науки,

обучения. В оде Державина 1779 г. образ Детства, ребёнка наделён и теми и другими благодатными свойствами. Державин очень самостоятелен, он не зажат даже руссоистской модой, а трактует её по своему, полнокровно, противоречиво, поэтически-богато. Державин никак не страдает какой-либо односторонностью, ограниченностью, напротив, он стремится к полноте жизненной.

На европейской почве отмеченная руссоистская антитеза изначальной чистоты – опыта и практики цивилизации ярче всего проявилась в поэтических циклах 80–90-х годов XVIII века У. Блейка «Песни невинности (неведения) – «Песни опыта (познания)» [Blake, 2007]. Примечательно полное название произведения, где автор подчёркнута его контрастная основа («Showing the Two Contrary States of the Human Soul»). Характерно (при том, что для первого цикла характерен образ агнца), что при окончательном редактировании циклов автор совершенно не случайно, а намеренно перенёс из первого во второй цикл 4 стихотворения: «Заблудившаяся дочь», «Ученик» («The school boy»), «Глас древнего барда», «Обретённая дочь». Ребёнок – подлинный исток взрослого человека, – об этом по сути писал У. Блейк, но максимально глубоко и широко развернул в своих поэмах ведущий теоретик европейского романтизма У. Вордсворт (поэма «Прелюды» 1799–1805 г. и другая – «Рассуждения о вечности из воспоминаний о раннем детстве» 1807 г. [The works of William Wordsworth..., с. 78–79].

В русской поэзии руссоистская апология Детства, как уже отмечалось, читается в оде Державина на рождение Александра I. Здесь уже есть и тема Природы, во всей её мощи и поэтичности, и тема ребёнка, правда, царственного, которому феи приносят дары в виде лучших способностей и качеств личности. Как таковой, темы школы здесь нет, но мотивы богатого многостороннего умственного и творческого развития ребёнка, его потенциала, который несомненно будет развёрнут, – по сути, мотивы просвещенческого круга. Державина и Пушкина, как известно, свела судьба на лицейском экзамене 1814 г., когда будущий великий поэт читал свою оду «Воспоминания в Царском Селе». Державин, несмотря на то, что дремал на экзамене, сразу бросился обнимать Пушкина, понял главное: руссоистские идеи, которые по сути Державин ввёл в русскую поэзию, юный Пушкин поднял на новую высоту. В лицейской оде Пушкина эти идеи достигли подлинно романтического подъёма: тема садов звучала од-

новременно и в антично-классическом, даже академическом (сады Платона и Эпикура, их Академии, где ученики постигали премудрости философии и науки, гуляя с Учителем по аллеям), и в романтико-поэтическом, «оссианском» контексте («Навис покров угрюмой рощи...»). Конечно, Державину были чужды собственно-романтические, «оссианские» мотивы, для Пушкина-лицеиста вполне характерны многие баллады в «оссианском» духе. В творчестве Пушкина сады лица — его подлинные истоки: органические, природные, даже первородные, с одной стороны, и школьные, образовательные с другой стороны. Руссоистская диверсификация, двоякость, породившая новую Европу романтиков (и революций тоже, и современных демократий), конечно пробудила Державина, по сути предромантика, и Пушкина-романтика.

Особо следует отметить, что Державин стал первопроходцем темы Детства и детей в русской поэзии нового времени (романтическая ода «На рождение в Севере порфирородного отрока»). Правда, если говорить о русской литературе в целом, то эта тема Детства и детей возникла намного раньше, в Житии Леонтия Ростовского XII в. (святой решил прежде всего проповедовать христианство в Ростове именно среди детей, поскольку взрослое население, язычники Ростова оказали ему яростное сопротивление). Поразительно, но и в контексте европейской литературы Державин со своей одой 1779 г. оказался пионером поэтической темы Детства и детей, так как поэтические циклы Уильяма Блейка, посвящённые детям появились в 1789–1794 г. Соответственно, две концепции Детства в версии поэтических текстов также впервые выдвинул именно Державин в оде 1779 г., а У. Блейк развил эту поэтическую идею в формате двух больших циклов. Речь, понятно, идёт о руссоистской концепции Детства как чистых Истоков и о просветительской концепции Детства как Школы (первая концепция всецело сентименталистская, предромантическая или даже романтическая, вторая концепция, естественно, рационально-картезианская по своим истокам).

В преддверие Европы Романтиков [Romantic movement..., р. 457–460], в последней четверти XVIII века эта тема часто обладала и принципиальной, концептуальной, и философской значимостью. Уильям Блейк в Англии создаёт свои поэтико-философские циклы «Songs of Innocence» (1789) — «Songs of Experience» (1794), — «Песни Невинности» — «Песни Опыта» [Blake, 2007], по-

свящённые в значительной мере темам детства и детей. Идеализация первоначал, истоков, первоизданной чистоты (primeval pure values) получила развитие после 1750–1755 г., когда Европа оказалась под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо. Контрастная природа двух соположённых поэтических циклов У. Блейка о детстве и детях, казалось бы, могла проистекать от контрастных социально-общественных воззрений Ж.-Ж. Руссо [Rousseau, 1973], однако, скорее всего, у Блейка была своя философско-генетическая и библейская первооснова (в структурной парности книг Библии и её духовно-философских основ) [Зверев, 2007, с. 257–258]. Евангельская тема Агнца (The Lamb) чрезвычайно характерна, даже принципиальна для поэтических циклов У. Блейка. Эта духовно-философская и духовно-поэтическая основа «детских» циклов Блейка по сути уже их представляет как поэзию предромантическую [Зверев, 2007]. Несомненно, при этом, что темы детства и детей в циклах Блейка не просто руссоистские [Rousseau, 1973], но уже романтические — в плане чистоты, ясности, простоты, искренности мира детства и детей.

Стихи У. Блейка в его циклах всецело слиты с природой, временами дня — утром, днём, вечером и ночью, поведением стихий и светил в этих временных пределах: восход и заход солнца, явление луны, звёздной ночи, других природных явлений и стихий, — всё это оплетено с миром детства и ребёнка (нередко и матери), взаимодействует и взаимосвязано единой властью Бога, всё пронизано не только началом жизни, но и высшей Духовности, одухотворено свыше (как затем у романтиков). А. Зверев пишет [Зверев, 2007] о детских циклах У. Блейка, что неведение, непорочность, духовная чистота, естественность... для Блейка отнюдь не является лишь утраченным Раем; его мысль сложнее, — быть может, она наиболее полно передана в образе заблудившегося и найденного ребёнка, возникающем образе и в «Песнях Неведения» и в «Песнях Познания». Ребёнок олицетворяет собой тип мироощущения, обладающего органикой и целостностью, которые уже не доступны взрослому. В мире взрослых ребёнок всегда одинок и несчастен. Он словно заблудившаяся «истинная душа человечества». Эта «истинная душа» может быть найдена не только на путях возврата к природе, но лишь после того, как она вберёт в себя весь горький опыт Познания и преобразит его в согласии с идеалами духовности и красоты, хранимыми каждым до той поры, пока не иссякла присущая

каждому человеку способность – Воображение, Видение [Зверев, 2007, с. 579–580].

По сути, тот же романтический лейтмотив первородной чистоты детства и детей подхвачен в названии и эпиграфе одного из поэтических циклов У. Вордсворта 1803–1807 г. «Ода. Вести о бессмертии, идущие от воспоминаний раннего детства» («Ode. Intimations of immortality from recollections of early childhood») [The works of William Wordsworth..., 1994]: «Дитя – создатель Человека, И я желал бы пронизать дни моей жизни Его изначальным благочестием» («The Child is father of the Man, And I could wish my days to be Bound each to each by natural piety») [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 587]. Во вступительном эпиграфе Вордсворт изложил целую концепцию природы романтического мира не только Поэзии, но и Человека-Человечества в целом, где феномен ребёнка выступает первоосновой не только как создатель человека, но и его подлинный Исток, причём обладающий «изначальным благочестием», то есть высшей духовной природой и соответствующими свойствами. По сути, Вордсворт вполне следует в русле поэтико-романтической концепции «детских» циклов Блейка, о которых шла речь выше. Первые две строфы оды 1803 г. прославляют чудесное единение земной природы и света небес, а затем поэт обращается к образу Дитя радости в облике пасторального пастушка (3 строфа), и уже в 4 строфе тема детства перерастает в образы играющих на цветущих лугах детей, в связи с образом играющего ребёнка на руках матери, – всё это пронизано небесной гармонией сфер («Our birth is but a sleep and a forgetting: The Soul that rises with us, our life's Star...» (5 строфа) [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 588]. Души ребёнка, а затем юноши предстают как Священства Природы. Однако, перетекая в образ Взрослого Человека, всё неизбежно подвержено затем увяданию в пространстве Обыденного («...At length the Man perceives it die away, And fade into the light of common day») [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 588]. В строфе 7 образ ребёнка уже в шесть лет представляет как бы проект всей грядущей жизни Человека в его судьбе, деяниях и даже в завершении его земного пути [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 588–589]. В строфах 8, 9, 10, 11 тема радости бытия подержана образами ребёнка как обиталища Души, Философии, Бессмертия, Пророчества, Бытия. Завершается ода образами детей, играющих на берегах Вечного Океана Духовности (... «Our

Souls have sight of that immortal sea... And see the Children sport upon the shore, And hear the mighty waters rolling evermore») [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 590]. Ода У. Вордсворта вырастает в глобальную философско-романтическую апологию детства и детей, может быть, равной которой трудно найти в мировой поэзии [28]. Тема детства и детей, в понимании У. Вордсворта, – эталон простой, естественной и подлинной жизни людей, – проходит лейтмотивом через всё творчество поэта, начиная с его ранних стихов 1786 года и до итоговой автобиографической поэмы «Прелюды» («The Prelude, or, growth of a Poet's mind») [The works of William Wordsworth..., 1994, P.631–641]. Эта поэма, естественно, открывается темой детства, представляя его как основной, главный лик одухотворённого божественного Естества. Вместе с ранними стихами о детстве, обсуждавшейся выше Одой, с главной в творчестве Вордсворта лирикой Природы, поэма «Прелюды» предстаёт как один из ведущих в мировой поэтической культуре программных романтических манифестов поэтической природы Естества Детства. Вслед за У. Блейком автор этого послесловия (в первом издании 1798 г. «Лирических баллад» Вордсворт поместил свой первоначальный теоретический текст как предисловие к поэтическому сборнику) обсуждает базовые поэтические категории Воображения и Фантазии как основы романтической природы Человека и окружающего его мира. Этот природный мир уже как мир своей души, как личное благоприобретённое состояние, просто и безыскусно, как высшую простоту и высшую мудрость божественного мира.

На русской поэтической почве точно таковы по своей романтической природе, по близости к сельской жизни и крестьянскому быту были судьба и наследие выдающегося поэта Н. А. Некрасова [Лебедев, 1995]. Он не искал парного контекста лирических сборников, как в Англии У. Вордсворт и С. Кольридж, не писал поэтических манифестов, как эти поэтические гении европейского романтизма. Некрасов, как и Вордсворт избрал сельскую романтику природы основной темой своего творчества, а также глубины жизни, народной души крестьянства России как воплощение русской природы, русской судьбы с её исконным драматизмом, который всегда соединял простое и обыденное с вечным и возвышенным. Возможно потому, что, подобно Вордсворту, Некрасов вырос в деревне, он впитал с детства всё лучшее, что может дать окружающая сельская природа не

просто человеку, но поэту-романтику. Отпечаток европейского романтизма несёт ранний цикл Некрасова «Мечты и звуки» (1840), но затем он обретает свой оригинальный поэтический голос, и помогла его обрести именно ярославско-костромская сельская глубинка, сельское крестьянское Заволжье, где прошло его детство, где поэт вырос, где его настоящая поэтическая Родина. Как и Вордсворт, Некрасов неизменно ощущал себя родом из Детства. Подобно Вордсворту (а также Блейку), Некрасов стал певцом Детства. Пожалуй, трудно найти в мировой поэзии авторов, так много писавших о детях, детстве, видевших в душе ребёнка, особенно, выросшего в обстановке сельской природы, всю её первозданную простоту, чистоту и естественность, но и её божественную умудрённость, во многом закрытую для горожанина, родившегося и выросшего среди условностей, полуправд и ангажированности городской цивилизации.

Настоящая статья стремится соединить два подхода к поэтическому творчеству Н. А. Некрасова: во-первых, исследование «детской» темы в некрасовской поэзии; во-вторых, связи некрасовского и поэтического наследия европейских поэтов. Оба аспекта отнюдь не новы сами по себе: «детская» тема поэзии Некрасова привлекала внимание не только читателей но и учёных, исследователей с XIX века, потому что мотивы эти занимают в структуре художественных текстов Некрасова не просто важное, но — выдающееся место (часто это мотивы не просто детей и детства, но детей и их матерей, а тема матери, женщины — однозначно имеет магистральное значение в некрасовской поэзии). Только в последние десятилетия названную тему исследовали в своих работах такие учёные-филологи, как Л. Н. Дудина («Детский портрет в поэзии Некрасова» 1988); В. С. Белова («Детство и природа в поэзии Н. А. Некрасова» 1990); О. А. Павловская («Некрасов как детский писатель» 1990; «О духовно-нравственном смысле «Стихотворений, посвящённых русским детям Н. А. Некрасова» 2009); В. А. Паршина («К словам — характеристикам детей в поэзии Некрасова» 1987); Н. Зуев («Крестьянские дети» Некрасова» 1989) [Мостовская, 2001].

Другой подход, заявленный в настоящей статье, также не нов — аспекты связей некрасовской и европейской поэзии. Его находим в целом ряде исследований: И. З. Серман «Некрасов и Виктор Гюго» 1966; Е. И. Бубенцова «Народ-герой в лиро-эпосе Некрасова и Карла Сэнтберга» 1990

[Мостовская, 2001]; Г. В. Краснов «Польские мотивы в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» 2000; работы Ю. Д. Левина, известного специалиста по русско-зарубежным литературным связям. Два обозначенных подхода не просто соотносятся, но — структурируются, почва для их структурирования намечена в нашей статье «Зелёный шум» Н. А. Некрасова и «The Echoing Green» Уильяма Блейка». Речь идёт прежде всего о двух взаимосвязанных поэтических циклах У. Блейка: «Songs of innocence» («Песни невинности (неведения)») и «Songs of experience» («Песни опыта (знания)»). Причём мы опираемся на наиболее полное и совершенное филологическое издание этих циклов У. Блейка, подготовленное А. Зверевым [Зверев, 2007]. Оба цикла включают значительное число произведений, где образы детей, матерей (или няней), мотивы детства как поры невинных детских радостей, игр, забав являются доминантными, ведущими. Впрочем, в песнях опыта, да и в первом цикле тоже, определённая часть «детских» песен погружена в проблемный контекст бедности или голода, горестей или жизненных неурядиц, а подчас и бед. Поразительно, но и «детские» циклы Некрасова следуют тому же структурно-поэтическому алгоритму: детство — пора и чистых радостей, игр детей, но и нередко — уже недетских трудов, забот, а то и прямо горестей, школа жизни здесь напрямую сочетается со школой — образованием, просвещением («Плач детей», «Школьник»).

Подобная структурная парность, антиномичность не обязательно заставляет видеть в Некрасове прямого последователя поэтических традиций У. Блейка. Диалогичность, двупланность свойственны, например, и поэзии Пушкина, Лермонтова, текстам Гоголя, с которыми Некрасова, безусловно, связывают узы соотносительности и взаимодействия. Такова специфика открытого М. М. Бахтиным механизма диалогичности, литературного, поэтического хронотопа, как времени-пространства, о чём уже достаточно много написано, в том числе, применительно к творчеству всех названных выше русских авторов — поэтов, писателей, включая Н. А. Некрасова. Двупланный, антиномичный контекст детских радостей/горестей в циклах У. Блейка подчеркнут включением двух пар песен (в каждом из циклов), где, например, соотнесены мотивы заблудившегося ребёнка (мальчика или девочки), но затем — обнаруженного (найденного, обрётённого) ребёнка (мальчика или девочки). В «детской» поэзии Некрасова обнаруживается кореллят подобных

мотивов в незаконченной поэме «Детство», где девочка, играя в развалинах старой церкви, неожиданно проваливается, но чудесно обретает новый удивительный духовный опыт и знания. Та же ситуация — в сходных даже по названиям произведениях Блейка и Некрасова. «Школьник» Некрасова говорит об издержках пути, о стараниях и усилиях ребёнка, которые всё же в итоге выводят маленького человека на пути Истины, Знания и Правды. И в песнях Блейка, и у Некрасова дети, что естественно, наделены присущими им качествами любознательности, пытливости, а подчас — провидения («Крестьянские дети»). Замечательны рассуждения поэта о детских глазах, которые он увидел в щели сарая. Здесь в полной мере отобразилась парная функция мотива детства: глаза ребёнка — зеркало чистой души; глаза ребёнка — инструмент познания мира.

Особенно примечательна в этом плане поэма Некрасова «Железная дорога» с её детским «тайнознанием», с особым «глубинным» видением маленького человека [Филипповский, 2018, с. 80–81]. Поэтому основным в ночном контексте «Железной дороги» («...всё хорошо под сиянием лунным...») является описание сна-видения мальчика Вани («...видел, папаша, я сон удивительный...сотен пять мужиков... и Он мне сказал — вот они, нашей дороги строители...») [Филипповский, 2018]. По мнению героя-повествователя, сон этот — фантазия, потому он вознамерился «правду ему показать», то есть как бы вернуть сознание ребёнка в мир трезвой реальности. Отсюда и композиционная бинарность поэтического плана поэмы: первая часть — ночь, поезд; вторая часть — день, окончание работ, праздник строителей дороги. Однако, вторая часть погружена в контекст горькой иронии и сарказма относительно этого самого «праздника» как пьяной гульбы.

Детская открытость чуду жизни, условность этого «чуда» подчёркнута у Некрасова словом «обаяние», с оттенком «мечты, грёзы», подчас сталкивающейся с прозой жизни, грозящей маленькому человеку невзгодами, за которыми порой маячит образ смерти. Диалектика детской радости/беды подчёркнута в стихах Некрасова о детях («Крестьянские дети»): «...и пусть обаянье поэзии детства проводит вас в недра землицы родной...» [Некрасов, 1967]. Та же антиномичность, парность радостей/бед составляет основу стихотворения Некрасова «На Волге. Детство Валежникова», где безоблачность детства маленького человека со временем оборачивается горестями и бедами блудного сына, в итоге всё же возвра-

щающегося к родному дому, матери, родным, но уже с обрётёнными непростыми опытами жизни. Контрастное построение двух взаимосвязанных циклов Блейка, где более половины произведений включает образы детей, детства и матери (няни), а также образы радостей/невзгод, — соотносительны с контрастными принципами построения поэмы Некрасова «Железная дорога», отмеченными выше. В творчестве Некрасова структурная антиномичность появляется уже в его ранних произведениях 1840-х гг. («В дороге», «Огородник», «Тройка», «Родина», «Колыбельная песня»). В названных произведениях речь идёт также о маленьких героях (сын в «В дороге») или о молодых героях («Огородник», «Тройка», «Родина»). И если в циклах Блейка образ детского горя чаще всего мотивирован мотивом голода и бедности, то у Некрасова — чаще всего связан с темой детского труда, соотносительного с трудом взрослых, то есть, мотивом недетского труда или иных повинностей, например, висящей над молодым человеком рекрутчины («Соловьи», «Крестьянские дети», «Плач детей») или смерти родителей («Мороз Красный нос»). У Блейка часто видим мотив горестного, жалкого одиночества («Сон»), у Некрасова — всё же акцентирован мотив не просто детства, но — детей с их играми, походами, забавами («Крестьянские дети»).

Разумеется, постромантизм Некрасова в «Железной дороге» 1864 г. только условно соотносится с раннеромантическими произведениями о детях и детстве Блейка и Вордсворта конца XVIII — начала XIX века. Тем не менее, столь характерная для английских романтиков концептуализация темы детства находит в творчестве Некрасова и последовательное, и весьма широкое развитие. Идеальный мир детской души — адресат многочисленных стихов Некрасова, посвящённых детям. Поэзия Некрасова чудесным образом преемственна с традициями эпохи романтиков первой половины XIX в., Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а также с традициями поэзии и теоретическими манифестами таких, например, европейских романтиков, как Уильям Вордсворт, с его Одой 1803 г., предисловием к «Лирическим балладам» 1800 года.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Поэзия Державина // Державин Г. Р. Оды. Ленинград : Лениздат, 1985. С. 5–20.
2. Блейк У. Письмо преподобному Доктору Трайскеру (23 авг. 1799 г.) // Литературные манифесты западно-европейских романтиков. Москва : Издательство Московского университета, 1980. С. 257–258.

3. Блейк У. Стихотворения. Москва : Радуга, 2007. 640 с.
4. Вордсворт У. Предисловие к «Лирическим балладам» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. Москва, 1980. С. 261–278.
5. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. Москва : изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 529 с.
6. Державин Г. Р. Оды. Ленинград : Лениздат, 1985. 334 с.
7. Державин Г. Р. Стихотворения. Ленинград : Советский писатель, 1957. 488 с.
8. Зверев А. Величие Блейка // Блейк У. Стихотворения. Москва : Радуга, 2007. С. 533–584.
9. Кольридж С. Т. Из «Лирических биографий» (гл. XIII, XIV) // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. Москва : Издательство Московского университета, 1980. С. 279–281.
10. Котельников В. А. Державин // Русские писатели XI – начала XX века. Биобиблиографический словарь. Москва : Просвещение, 1995. С. 29–33.
11. Лебедев Ю. В. Некрасов Н. А. // Русские писатели XI – нач. XX вв. Биобиблиографический словарь. Москва, 1995. С. 272–283.
12. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / сост. А. С. Дмитриева. Москва : Издательство Московского университета, 1980.
13. Мостовская Н. Н. Библиография литературы о Некрасове (1987 – начало 2000) // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : «Наука», 2001. С. 245–270.
14. Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений в трёх томах. Ленинград : Советский писатель, 1967. 512 с.
15. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...» : О творчестве Н. А. Некрасова. Москва : Просвещение, 1985. 177 с.
16. Филипповский Г. Ю. Глубины некрасовского текста. Ярославль : Канцлер, 2010. 150 с.
17. Филипповский Г. Ю. Мотив детей и детства в английской и русской поэзии XIX века // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 76–83.
18. Beer J. Blake's visionary Universe. Manchester. 1969.
19. Blake W. Selected verse. M., 2007.
20. Blake W. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H. Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 65–66.
21. Burdett Osbert William Blake. Parkstone International. N.Y. 2009.
22. Coleridge S.T. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H. Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 120, 122.
23. Perkins D. Wordsworth and the poetry of sincerity. Cambridge (M.). 1964.
24. Romantic movement // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H. Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 120, 122.
25. Rousseau J-J. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H. Hornstein (ed.). N.Y., 1973. P. 463–467.
26. The poetic works of William Blake. J. Sampson (ed.). Oxford. 1934.
27. The works of William Wordsworth. A. Till (ed.). L., 1994.
28. Wordsworth W. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H. Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 566–568.

Reference List

1. Averincev S. S. Pojezija Derzhavina = Derzhavin's poetry // Derzhavin G. R. Ody. Leningrad : Lenizdat, 1985. S. 5–20.
2. Blejk U. Pis'mo prepodobnomu Doktoru Trajskeru (23 avg. 1799 g.) = The letter to reverend Doctor Traisker (23 august 1799) // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov. Moskva, 1980. S. 257–258.
3. Blejk U. Stihotvorenija = Poems. Moskva, 2007.
4. Vordsvort U. Predislovie k «Liricheskim bal-ladam» // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov = Introduction to «Lyrical ballads» Literature manifestoes of West European romanticists. Moskva, 1980. S. 261–278.
5. Gukovskij G. A. Russkaja literatura XVIII v. = Russian literature of the XVIII c / G. A. Gukovskij. Moskva, 1939.
6. Derzhavin G. R. Ody = Odes Leningrad : Lenizdat, 1985.
7. Derzhavin G. R. Stihotvorenija = Poems. Leningrad, 1957.
8. Zverev A. Velichie Blejka = Blake's greatness // Blejk U. Stihotvorenija. Moskva, 2007. S. 533–584.
9. Kol'ridzh S. T. Iz «Liricheskikh biografij» (gl. XIII, XIV) = From «biographies» (ch. XIII, XIV) // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov. Moskva, 1980. S. 279–281.
10. Kotel'nikov V. A. Derzhavin = Derzhavin // Russkie pisateli XI – nachala XX veka. Biobibliograficheskij slovar'. Moskva, Prosveshhenie, 1995. S. 29–33.
11. Lebedev Ju. V. Nekrasov N. A. = Neckrasov N. A. // Russkie pisateli XI – nach. HH vv. Biobibliograficheskij slovar'. Moskva, 1995. S. 272–283.
12. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov = Literature manifests of West European romanticists / sost. A. S. Dmitriev. Moskva, 1980.
13. Mostovskaja N. N. Bibliografija literatury o Nekrasove (1987 – nachalo 2000) = Bibliography of the literature about N. A. Neckrasov // Nekrasovskij sbornik. T. XIII. Sankt-Peterburg : «Nauka», 2001. S. 245–270.
14. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie stihotvorenij v trjoh tomah = Complete collection of poems in 3 tomes. Leningrad, 1967.
15. Skatov N. N. «Ja liru posvjatil narodu svoemu...» : O tvorchestve N. A. Nekrasova = «I devoted my creative life to my people...» : about the creative work of N. A. Nekrasov. Moskva, 1985.
16. Filippovskij G. Ju. Glubiny nekrasovskogo teksta = The depth of Neckrasov's texts. Jaroslavl', 2010.
17. Filippovskij G. Ju. Motiv detej i detstva v anglijskoj i russkoj poezii XIX veka = The motif of chil-

dren and childhood in the English and Russian poetry of XIX // Kul'tura. Literatura. Jazyk. Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl': RIO JaGPU, 2018. S. 76–83.

18. Beer J. Blake's visionary Universe. Manchester. 1969.

19. Blake W. Selected verse. M., 2007.

20. Blake W. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 65–66.

21. Burdett Osbert William Blake. Parkstone International. N.Y. 2009.

22. Coleridge S. T. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 120, 122.

23. Perkins D. Wordsworth and the poetry of sincerity. Cambridge (M.). 1964.

24. Romantic movement // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N. Y. 1973. P. 120, 122.

25. Rousseau J-J. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N. Y. 1973. P. 463–467.

26. The poetic works of William Blake. J.Sampson (ed.). Oxford. 1934.

27. The works of William Wordsworth. A. Till (ed.). L. 1994.

28. Wordsworth W. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 566–568.